

Е.В. СТЕПАНОВА, В.С. ШАНДРОВСКАЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЩЕ РАЗ О СУДАКСКОМ АРХИВЕ ПЕЧАТЕЙ

В «Материалах» II Судакской Международной научной конференции, проведенной в Судаке в сентябре 2004 г., были опубликованы тезисы доклада В.И. Булгаковой «Подводные сфрагистические находки в Судаке: к характеристике типа объекта»¹ (к сожалению, автор не присутствовал на конференции). Возможно, сами тезисы, написанные в весьма неуважительном, агрессивном, неприемлемом в научной практике тоне, и не заслуживали бы ответной реплики, но речь в них идет о сущности очень важной для истории средневековой Сугдеи находки свинцовых печатей в прибрежной полосе бухты поселка Уютное, где когда-то располагался порт.

Основная идея тезисов В.И. Булгаковой, при резком опровержении прежде высказанных по поводу находки мнений, заключается в том, что найденные сфрагистические материалы никогда не входили в единый комплекс, т.н. архив печатей, а представляют собой продукт деятельности порта и «... по всей видимости, должны рассматриваться в связи с торговыми и иными операциями, производившимися непосредственно на стоянках кораблей» (?! – выделено нами – Е.С., В.Ш.). Такие выводы были сделаны на основании подводных исследований, которые были проведены в течение одного-двух летних месяцев 2004 г. По словам Булгаковой, они показали, что в настоящее время скопления металлических предметов, куда входят не только печати, но и кольца, кресты, монеты, гири, сосредоточены на трех не связанных между собою участках – восточном, западном и центральном – общая протяженность которых относительно береговой линии почти равна общей протяженности акватории бухты. Важно отметить еще один тезис автора. «Все обнаруженные археологические материалы яв-

¹ См.: Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской межд. науч. конф. Киев, Судак, 2004. Ч. II. С. 35-39.

ляются *инситу* (выделено нами – Е.С., В.Ш.), содержатся в составах взаимосвязанных вещевых комплексов».

Вероятно, В.И. Булгакова недостаточно внимательно читала статьи своих предшественников по этой теме. Иначе она бы поняла, что в самом начале вопрос о том, входят ли обнаруженные печати в состав архива, не стоял так однозначно. Прежде всего потому, что в период первых публикаций не было еще накоплено достаточное количество материала для окончательного суждения. Кроме того, осторожность первоначальных выводов была связана с главной особенностью находки моливдовулов – их обнаружением в воде, а не в земле при обычных археологических раскопках, при которых методика проведения и фиксирования материалов отработана многочисленными поколениями специалистов. Лишь по мере накопления находок печатей идея об их сущности претерпевала естественные изменения: от простой констатации самого факта их обнаружения, до высказывания о вхождении печатей в состав архива византийской таможни (поскольку первыми в силу случайности были найдены и прочитаны печати коммерциариев и главных логофетов), и, наконец, когда круг прочитанного материала расширился, появилась возможность говорить об общегородском характере архива печатей.

Гипотеза об архиве печатей подкреплялась также соответствующими свидетельствами В.В. Кузьмина, который все эти годы практически единолично обследовал бухту и занимался подъемом печатей с морского дна. По его данным, которые не раз использовались в научных работах доктора исторических наук, начальника Судакской археологической экспедиции тех лет И.А. Баранова, моливдовулы были найдены на одном сравнительно небольшом участке бухты (примерно 30х50 м), куда попали вместе с береговым грунтом и остатками здания, в котором, по предположениям, и хранился архив. С момента обнаружения печатей прошло уже не одно десятилетие, и, возможно, под влиянием внешних воздействий на среду, в которой находились предметы, их местонахождение действительно могло измениться и ареал находок значительно расширился, занимая теперь почти всю бухту. Неудовлетворительная сохранность печатей уже с самого начала обращения к ним показала, что они, по всей видимости, не были привязаны к одному месту. Вероятно, они перемещались по дну, о чем свидетельствует сглаженность поверхности многих из них, часто вплоть до полного исчезновения надписей и изображений (поэтому о печатях «хорошей сохранности», как пишет В. Булгакова, попавших в коллекцию Эрмитажа, говорить не приходится: на многих экземплярах из нескольких строк виден лишь ряд букв). Этим, кстати, печати судакского архива

кардинально отличаются от печатей херсонесского архива, которые, по-видимому, сразу попали в благоприятную подводную среду и были извлечены впоследствии из т.н. «конгломерата» (пористой окаменевшей массы) вместе с другими металлическими предметами. Сохранность херсонесских печатей часто замечательна! Предположение Булгаковой о том, что печати Судака были найдены *in situ*, мягко говоря, кажется натянутым. Трудно представить себе ситуацию, когда сделки совершаются в разных местах, на стоянках кораблей (к тому же остающихся неизменными на протяжении более пятисот лет) и документы с подвешенными к ним печатями, по логике Булгаковой, находятся там же. Безусловно, они хранились в одном месте, и даже современный разброс печатей по дну бухты не может изменить этого положения. Кроме того, сам состав архива – в существовании последнего мы остаемся при своем убеждении – указывает на то, что характер документов мог быть достаточно широк, и был связан не только с торговыми сделками.

Вероятно, чтобы тезис о «рядовом характере» сфрагистического материала, найденного в Судаке, звучал более убедительно (хотя уже опубликованные печати показывают его значимость для понимания истории Сугдеи), Булгакова пытается «сократить» численность печатей, найденных в бухте до 194 экземпляров, не считая тех, что хранятся в частных коллекциях. Давайте посчитаем, сколько же их было на самом деле. Только в Эрмитаже в настоящее время хранится около 200 моливдовулов из судакского архива. И это лишь часть моливдовулов, поднятых со дна моря: по крайней мере, несколько десятков совершенно нечитаемых экземпляров (как печатей, так и заготовок) находилось у начальника работавшей в то время судакской археологической экспедиции И.А. Баранова. Две печати – в экспозиции музея «Судакская крепость». Кроме того, как мы узнали из тезисов Булгаковой (С. 36), 72 печати были ею самостоятельно собраны и переданы в 1995 г. в Национальный музей истории Украины (Киев). Заметим – без предварительного предъявления их – что само по себе странно – И.А. Баранову. Хотя с 1995 г. прошло уже почти десять лет, никаких сообщений о столь важной находке к нам до сих пор не поступало. Не видно и результатов научной обработки этого значительного количества печатей. Таким образом, число найденных на территории подводной части средневекового порта печатей достигает не менее 400-500 экземпляров, о чем не раз было написано в статьях В.С. Шандровской, И.А. Баранова, Е.В. Степановой.